

Чтение как рецепт молодости

[Анатолий Шестаков](#) родился в январе 1914 года. Он пережил две мировые войны, революцию, сиротство, голод, разруху, сталинизм, «оттепель», застой, перестройку. Принимал участие в войне с Японией, служил в Маньчжурии, в 15 лет стал работать в начальной сельской школе. Ушел на пенсию с должности доцента кафедры всеобщей истории АлтГУ. Общий трудовой стаж редкостный - 68 лет. Но и эта цифра не совсем верна, ведь Анатолий Шестаков остается Педагогом и сейчас.

Талантливый исследователь, он занимается научной работой, в частности трудился над изданием учебников по истории. В российском издательстве «Просвещение» вышли пять его хрестоматий по истории древнего мира и отечественной истории, две из них изданы в соавторстве с академиком Олегом Волобуевым.

Работоспособность Шестакова не может не восхищать. В свои 96 он готовит выпускников к поступлению в вузы, пишет книги, сочиняет стихи. Сейчас готова новая книга «Отечественная история в стихах поэтов», а он уже задумывается о другой.

Когда Анатолия Васильевича просят поделиться рецептом молодости, он заверяет, что ничего для этого не делал преднамеренно, напротив, в юности совершал много безрассудств: читал ночи напролет, купался до посинения. Однако замечает: «Безоговорочно убежден, что умственная деятельность способствует продлению жизни».

- Нельзя мириться с тем, что в настоящее время дети почти перестали читать, - тревожится Шестаков. - Чтение способствует развитию всех интеллектуальных задатков ребенка. Евгений Замятин сказал однажды: «Человек перестал быть обезьяной с той поры, как изобрел книгу».

Великий Пушкин восклицал: «Чтение - вот лучшее учение!»

Сам он начал читать еще при керосиновой лампе в доме отца - служащего почтового ведомства. Семья Шестаковых в ту пору жила в Омске. Сегодня у вас есть уникальная возможность окунуться в атмосферу праздничного Рождества начала XX века, прочитав отрывки еще не оконченных воспоминаний Анатолия Васильевича Шестакова.

В гостиной

Семейные торжества и общие праздники отмечались в гостиной. Она была местом встреч с гостями и близкими родичами... Отец гордился необычностью стола и его внушительными размерами, поскольку вокруг него могли сидеть не менее десяти человек. Он говорил, что хотел бы иметь столько детей, сколько в состоянии принять гостеприимный стол. Позднее от взрослых я слышал, что, если бы все рожденные дети уцелели, места вокруг стола были бы заполнены. Над столом висела большая керосиновая лампа с бело-зеленым абажуром. Ее называли «двадцатилинейной» и говорили, что трудно находить для нее круглый фитиль и специальное стекло. Зажигали ее очень редко, а когда возникли затруднения с керосином, ее старательно

вычистили - буквально до блеска - и сделали сосудом для хранения монет, коллекцию которых отец старался собирать, видимо, еще в годы молодые. Теперь он иногда показывал доверительно тому или иному гостю это богатство. Монет, серебряных и медных, было довольно много, но, видимо, очень мало редкостных.

В гостиной и в промежутках между окон стояли затейливые этажерки и стульчики, сделанные искусно из бамбука, вероятнее всего, японской работы. На нескольких простых табуретах стояли в глянцевой керамической посуде крупнолистные домашние цветы.

В левом углу, на стене, висела большая черно-белая литография, хорошо напечатанная на плотной бумаге. «Мадонна с младенцем», копирующая великолепную картину какого-то мастера эпохи итальянского Возрождения. Кажется, в дом она пришла в качестве подарка за длительную подписку на журнал «Пробужденье» или «Ниву». Картина не имела рамы, но выглядела и без нее выразительно. Любопытно, что мы, дети, воспринимали ее отнюдь не как икону, а как очень тонкое изображение счастливой матери, главное счастье которой составил сын.

Стелить на полу половики и даже коврики в ту пору было, по всей видимости, немодно. В гостиной были приметны кружевные салфетки ручной работы. Мать очень любила заниматься вязкой кружев, накапливала в специальных альбомах образцы и изобретала их самостоятельно

Отцовская комната

Соседняя с гостиной комната по своему назначению могла бы называться «отцовской». Но в ней нередко бывали все члены семейства. Здесь во многие дни звучали музыка и пение. Отец отлично пел (по общему признанию, у него был превосходный тенор) и играл на многих струнных и духовых инструментах, отменно хорошо на фисгармонии и скрипке. В комнате стояла большая, сияющая черным лаком фисгармония, на которой отец играл почти ежедневно, причем с явным увлечением, особенно если был несколько «навеселе». Играл по нотам и без нот, часто в порядке живой импровизации. Нотной грамотой он владел великолепно. Ноты обычно стопками лежали на верхней крышке фисгармонии или на маленьком столике рядом.

В этой же комнате находился большой, с двумя тумбами, письменный стол светло-коричневого цвета с зеленым суконным покрытием. В тумбах, представляющих собою емкие шкафчики с полками, хранились книги домашней библиотеки. В своем большинстве это были приложения к «Ниве». До настоящего времени я способен мгновенно узнать по рисункам обложки томиков сочинения Короленко, Андреева, Мея, Майкова, Ибсена, Метерлинка и многих других писателей. Отец был постоянным подписчиком журнала «Нива» и получал все литературные приложения к нему. Он рано стал носить очки, нужно думать, от чрезмерного напряжения зрения. Когда я начал читать и стал увлекаться книгами, чего не случилось со старшим братом Евгением, отец стал заставлять меня читать ему многие литературные произведения вслух. Первоначально по его просьбе я читал занимательные, вполне доступные и для меня рассказы Антона Чехова, писателя-артиста Горбунова, писателя-священника Гусева-Оренбургского, который ныне совершенно забыт. Затем мы перешли к чтению романов Лескова, Мельникова-Печерского, Мордовцева. По подсказке матери нередко читались для общего слушания произведения детских авторов, предпочтительно Лидии Чарской и Клавдии Лукашенко. Отец и в этом разе был очень внимательным слушателем. Вообще, он был начитан, хотя часто говорил, что учиться в гимназии почти не пришлось: отчислили за какую-то мальчишескую шалость. Настойчиво требовали извинения, по его мнению, совершенно несправедливо. Гордо отказался... Нам советовал с особой прилежностью знакомиться с наследием Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Куприна, Толстого, называя, как мне вспоминается, те произведения, которые доступны детям. Но вслух я читал и Боборыкина, и Писемского, и Горького, и даже батальные очерки и рассказы Василия Ивановича Немировича-Данченко, порою впечатляюще трагические.

Звезда со свечой

Отцовская комната помнится еще и потому, что при праздновании Рождества в ней обязательно ставилась высокая и пышная елка, пахнувшая зимним лесом. За полтора-два месяца до елки учинялась в доме занятная поделка елочных игрушек и украшений руками детворы и взрослых. Товары елочного убранства, штампованные из картона, дутые из стекла, изготовленные из фольги, золоченых нитей и тканей, задолго до торжества продавались в магазинах. Но в нашей семье стало традиционным изготовление собственных поделок и украшений на лесную красавицу ель. Нужны были картон, бумага, особенно цветная, краски, кисти, блестки и иная всякая всячина. Отводились

особые часы в дневную и вечернюю пору для общих работ, которыми, конечно, руководили взрослые. При этом царило всеобщее воодушевление, оживала в каждом увлеченность, стирающая границы между родителями, сверстниками и детьми разного возраста.

Почти в канун Рождества предпринималась самая ответственная работа по изготовлению большой деревянно-бумажной звезды с внутренним освещением в виде надежного фонарика со свечой для того, чтобы сходить к самым близким родственникам группой славильщиков Рождества. Звезда делалась шестигранная, обязательно легкая. Она надежно крепилась на длинном черенке красного цвета. Обклеивалась промасленной, интересно разрисованной бумагой. Звезду нужно было нести с наступлением темноты по улицам города, сохраняя освещение. Придя в желанный дом, поздравить хозяев и гостей. Спеть им громко и слаженно праздничные псалмы. Их тексты были вычурными и местами непонятными, но содержали в себе торжественную выпренность, необходимую для такого случая. При удаче вся группа славильщиков, как это и ожидалось, щедро вознаграждалась гостинцами со стола и даже мелкими монетками, на которые можно было купить ириски, кусочки кисло-сладкой пастилы или вафлю мороженого. А само хождение со звездой, да еще огненной, а прием в гостях с радостными восклицаниями и объятиями родичей, а похвала! Все это воздействовало на душу и сердце весьма эффективно.

Хотелось бы заметить, что детский праздник елки был особенно хлопотным и трепетным. Я бы сказал, даже «интригующим», особенно для самых маленьких участников. Так он задумывался и отыгрывался взрослыми членами семьи. Во-первых, елку в дом старались привезти так, чтобы дети этого не видели. В нашем доме потолки были достаточно высокими, по-этому елку выбирали рослую, пышную, стройную - настоящую царицу леса. Видимо, деревца стоили недорого. Еще чаще многие жители города сами выезжали в лес и выбирали желаемое, возможно, по разрешению. Во-вторых, украшали елку, если дети были совсем малы, без их участия, в условиях своеобразной тайны.

Проснувшись утром, мы замечали смолистый запах в доме, но елка уже стояла в комнате, в которую заходить до времени запрещалось. Не видели мы и многие покупные игрушки, а тем более подарки, предназначенные каждому из своих и приглашенных детей. Приглашали «соседских», давно известных дому. Подарки прятались под елкой и в различных углах комнаты, иногда даже в соседних помещениях. Имели место забавные игры, сопряженные с поиском подарка.

С особой осторожностью закрепляли на елке свечи. Вечером перед началом праздника нас «томили» перед дверями комнаты, чтобы повысить настроение неожиданности. Затем почти внезапно распахивались двери, и нас торжественно пропускали в «елкину комнату», в комнату загадок. Невольно кричали, хлопали в ладоши, с любопытством рассматривали нарядность дерева, после чего начиналось веселое, яркое представление. Были хороводы под музыку, танцы, декламация стихов и басен, шумные игры. Почувствовав наше утомление, организаторы елочного торжества говорили краткие речи в наш адрес, весело раздавали подарки, а потом вели к столу для угощения чаем и сладкими блюдами.

[Марина Кочнева, СВОБОДНЫЙ КУРС №52 29.12.10](#)